

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН

*КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТЬ.
О ДОСТОВЕРНОСТИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Людвиг Витгенштейн
Культура и ценность.
О достоверности
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371526
Культура и ценность. О достоверности: АСТ; Москва;
ISBN 978-5-17-121335-0

Аннотация

Людвиг Витгенштейн (1889–1951) – британский философ австрийского происхождения, один из самых оригинальных мыслителей европейской философии XX века, создатель теории построения искусственного «идеального» языка, основанного на языке математической логики. В сборник вошли заметки Л. Витгенштейна разных лет об искусстве, философии, религии и просто о жизни. Заметки отсортированы составителем по годам, благодаря чему читатель имеет возможность наблюдать, как менялись воззрения философа с течением жизни.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Новая диалектика, или Пути аналитической философии	5
Культура и ценность	21
Предисловие к изданию 1977 года	21
Предисловие к изданию 1994 года	25
От редактора оригинального издания 1998 года	27
1914	27
1929	28
1930	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Людвиг Витгенштейн

Культура и ценность.

О достоверности

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Новая диалектика, или Пути аналитической философии

Смешным, я думаю, должно казаться... что из подражания посредством букв и слогов вещи станут для нас совершенно ясными. Однако это неизбежно, ибо у нас нет ничего лучшего, к чему мы могли бы прибегнуть для уяснения правильности первых имен, если, конечно, ты не хочешь, чтобы мы, как это делают трагические поэты в затруднительных случаях, прибегли к специальным приспособлениям, с помощью которых они поднимают наверх богов; ты ведь не хочешь, чтобы и мы так же отделались от нашего предмета, сказав, что первые имена установили боги и потому они правильны? Или и для нас это лучший выход?

Платон. Кратил¹

Ближе к концу XIX столетия в европейской философии произошла революция: прежде объектом изучения философов являлись идеи, то есть философия представляла собой в первую очередь метафизику, а революция ознаменовалась сменой парадигмы – место идей заняли лингвистические сущности, в широком смысле, человеческий язык как способ описания мироздания и анализ языка как средство фи-

¹ Перевод Т. Васильевой.

лософского исследования мышления и знания. Постепенно, прежде всего усилиями немецких и британских ученых, начало складываться новое направление в философии – аналитическая философия.

Непосредственными «провозвестниками» революции были в Германии математик Г. Фреге и философ Э. Гуссерль, в Австрии школа Ф. Brentano, а в Великобритании – логик и философ Б. Рассел и философ Дж. Мур. При этом нельзя забывать (что весьма убедительно показано современными исследованиями): новое направление возникло вовсе не из ниоткуда, не на пустом месте; среди предшественников аналитической философии необходимо упомянуть прежде всего древнегреческую софистику и схоластические трактаты Средневековья, уделявшие немало внимания семантике, «идолов рынка» Ф. Бэкона, рассуждения Т. Гоббса о естественных и искусственных телах, комбинаторику Р. Декарта и Г. В. Лейбница, эмпирические теории Дж. Локка, Д. Юма и Дж. С. Милля. Иными словами, революция, восстание против «засилья метафизики», пусть даже не осмыслявшееся и не воспринимавшееся как таковое, назревало, и для того, чтобы оно произошло, понадобилось лишь появление формальной логики и утверждение последней в качестве инструмента философии. (Р. Рорти полагал, что метафизическая философия завершилась на Канте, учение которого есть высшая точка спекулятивной философии, а «промежуток» от Канта до Фреге есть с философской точки зрения некий

период замешательства².)

Наиболее важная и влиятельная фигура среди «провозвестников» аналитической революции – безусловно, Готлоб Фреге (1848–1925). По утверждению британского философа М. Даммита, Фреге предвосхитил «лингвистический поворот» во всех проявлениях последнего, от признания языка как способа постижения и описания мироздания до изучения философами повседневного употребления слов и прагматических исследований языка. Долгое время Фреге оставался – и во многом остается по сей день – в тени своих куда более знаменитых «духовных наследников», в частности Рассела и Л. Витгенштейна, однако именно Фреге аналитическая философия обязана тем, что постепенно сделалась стилем философского мышления: он разработал исходную методологию, позднее усовершенствованную Расселом, Муром, Витгенштейном и членами Венского кружка.

По Фреге, естественный язык несовершенен, его противоречия и двусмысленности сбивают с толка, а потому истинная философия требует создания некоего исчисления понятий, сходного с математическими исчислениями. Следовательно, к такому исчислению будет приложима формальная логика; а поскольку язык является средством накопления знаний о мироздании («объективного знания»), значит, формальному анализу подвержено и само знание, структу-

² Рорти Р. Американская философия сегодня // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1988.

ра мысли, и нет ни малейшей необходимости изучать процесс мышления психологически: «Если задача философии – сломить господство слова над человеческим духом, раскрывая заблуждения... которые... практически неизбежно возникают из-за употребления языка, то мое исчисление... может стать для философов полезным орудием»³. Также Фреге сформулировал ставшее впоследствии общеупотребительным различие между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung) языкового выражения (так называемый «треугольник Фреге» знак – смысл – значение: имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» оба обозначают планету Венера, они наделены разными смыслами, поскольку одно подразумевает появление Венеры на небосводе утром, а другое вечером, но имеют общее значение – планету Венера); кроме того, он первым высказал мнение, что слова имеют значения лишь в составе предложений, а потому значение предложения (любого сложного выражения) определяется значением его составляющих и отношениями между ними. Наконец, Фреге ввел в оборот представление об истинностном значении повествовательных предложений: всякое подобное предложение либо истинно, либо ложно, причем все истинные предложения имеют одно значение (денотат), как и все ложные, хотя смысл этих предложений, как истинных, так и ложных, различен.

«Преемником» Фреге в Великобритании, где, собствен-

³ Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М., 2000.

но, и оформилась в 1930-х годах как философское направление аналитическая философия, стал Бертран Рассел (1872–1970). Он, во-первых, познакомил широкую общественность с основными идеями Фреге (приложение к «Основаниям математики», 1903), а во-вторых, сам разработал и представил метод «логического анализа» философских понятий на основе правил символической логики. При этом Рассел не отвергал «метафизику» в целом («Я постараюсь сформулировать... определенный вид логической доктрины и на основе этого... определенный вид метафизики»⁴), однако понимал ее в эмпирическом, даже номиналистическом духе: «Выдвигаемую мною философию можно назвать логическим атомизмом и абсолютным плюрализмом, ибо она утверждает, что имеется много отдельных предметов, и отрицает некоторое единство, составленное из этих предметов»⁵. В математике, строже – в математической логике, Рассел видел образец точности научного языка; посему математическая логика, к которой он прибегнул для уточнения и прояснения оснований математики, была для него «логически совершенным языком» для выражения знания как такового. По замечанию Дж. Урмсона, Рассел полагал, что «логика, из которой может быть выведена во всей ее сложности математика, должна быть адекватным скелетом языка, способного выра-

⁴ *Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1891–1905. Lnd., 1956.*

⁵ *Russell B. Mysticism and Logic. Lnd., 1918.*

зять все, что вообще может быть точно сказано»⁶. Концепция символической логики Рассела также известна под названием «логический атомизм»: анализ необходимо приводит к выявлению неких предельных и четких понятий, иначе «атомов» языка, которые в логически совершенном языке должны взаимно однозначно соответствовать фактам.

Сподвижником Рассела в переходе от «метафизических умствований» к «философии здравого смысла» стал его товарищ по Кембриджу Джордж Э. Мур (1873–1958). Рассел обратился к математике и логике, Мур же призывал к анализу философских понятий средствами обыденного языка с опорой на здравый смысл (одна его статья так и называлась – «Возрождение реализма и здравый смысл»). При этом он неоднократно отмечал, что обыденный язык грешит неверными употреблениями слов, и потому нельзя считать подлинно существующими некоторые хорошо известные философские проблемы: эти проблемы мнимые, поскольку возникли исключительно по причине «невразумительности» обыденного языка.

Концепции Фреге, Рассела и Мура оказали значительное влияние на молодого Людвиг Витгенштейна, пускай последний и отрешивался в «Логико-философском трактате» от каких бы то ни было влияний на свои воззрения. Итогом размышлений Витгенштейна стал «Трактат» (немецкое из-

⁶ *Urmson J. O. Philosophical Analysis and its Development Between two Wars. Oxford, 1956.*

дание 1921, английский перевод 1922) – «алмазная сутра логики», произведение, совсем небольшое по объему, но чрезвычайно масштабное по глубине мысли. Все философские проблемы, утверждал Витгенштейн, суть проблемы «грамматические», связанные с непониманием отношений между словами языка и реальностью, точнее, с непониманием «логики нашего языка». Поэтому необходимо свести сколь угодно сложные суждения к неким элементарным суждениям, представляющим простейшие элементы реальности – факты; целью философии является устранение тавтологий, «логическое прояснение мысли», а метафизическая философия мысль наоборот затемняет. При этом метафизику как таковую Витгенштейн вовсе не отрицал: достаточно вспомнить его рассуждения о том, что суть соответствия между суждением и фактом (логическую форму) невозможно высказать в словах, хотя оно, безусловно, имеет место, а также знаменитое «О чем нельзя сказать... о том следует молчать».

Обыденный язык, вслед за своими предшественниками подчеркивал Витгенштейн, несовершенен и «темен», следовательно, для философии, понимаемой как совокупность методов уточнения картины реальности языковыми средствами, необходимо создание логического языка, в котором все будет ясно, четко и строго определено: и понятия, и отношения между ними. Эту идею подхватили представители направления, впоследствии получившего наименование логического позитивизма (Венский кружок – М. Шлик, О. Ней-

рат, Р. Карнап, К. Гедель и другие, а также сотрудничавшие с кружком Г. Рейхенбах, Ф. Франк, А. Айер). Они провозгласили, что единственно правильным критерием значения какого-либо предложения является возможность его проверки (верификация); если предложение не верифицируется, оно является логической тавтологией. Следует отметить, что логические позитивисты придерживались в целом весьма радикальных для философии воззрений; в частности, Рудольф Карнап опубликовал статью «Преодоление метафизики логическим анализом языка», своего рода манифест логического позитивизма, крайнее выражение антиметафизических настроений. Представители Венского кружка полагали, что создание совершенного логического языка способно устранить традиционные философские проблемы (бытие и сознание, свобода и необходимость, добро и зло и пр.), «бессмысленные» с их точки зрения, и тогда последние исчезнут сами собой, останется лишь конкретика природы, изучаемой естественными науками.

Как писал В. П. Руднев, «именно Венский кружок окончательно и наиболее последовательно сформулировал доктрину логического позитивизма. “Трактат” Витгенштейна стал для них чем-то вроде Библии, что отчасти было основано на недоразумении. Витгенштейн не был логическим позитивистом, хотя в “Трактате” и содержалось несколько параграфов логико-позитивистского толка... Вскоре членам кружка стало ясно, что Витгенштейн ни в коей мере не является логи-

ческим позитивистом, что его установки во многом противоположны их установкам»⁷.

С приходом к власти в Германии, а потом и в Австрии Гитлера многие немецкие и австрийские ученые были вынуждены эмигрировать; одни осели в Америке, другие в Великобритании. Первые – речь, конечно же, исключительно о философах и логиках – в итоге подпали под влияние прагматизма (У. Джеймс, Ч. С. Пирс⁸), вторые же, вопреки радикальной идеологии Венского кружка, примкнули к традиции философского анализа, как его понимали Рассел и Мур. И те и другие видели суть философской деятельности в анализе языка и соблюдении строгости определений. Философский анализ понимался преимущественно как анализ логический: логика позволяет обнаружить погрешности обыденного языка и его структуры, оценивать точность формулировок и тем самым устранять мнимые проблемы.

⁷ Руднев В. П. Божественный Людвиг // Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.

⁸ Пирс пытался создать философскую систему, опирающуюся на достижения и методы науки, но совместимую с догмами христианства. Для этого он полагал необходимым превратить метафизику в строгую науку и доказать, что наука предполагает метафизическое учение, которое не отвергает религию. Он считал, что в любой момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, посему «значение представления» (о реальности) заключается в его логических последствиях. Прагматизм Пирс определял как «теорию логического анализа, или истинного определения». Кроме того, Пирс ввел в употребление термин «семиотика» в качестве наименования общей теории знаков.

Витгенштейн повторно приехал в Великобританию в 1929 году, через восемнадцать лет после первого визита, успешно защитился, получил докторскую степень – и последующие почти 20 лет читал в Кембридже лекции по философии. (Позволим себе немного отвлечься от темы. Американский философ Н. Малкольм, ученик Витгенштейна, вспоминал о том, как выглядели эти лекции: «Читая лекцию... Витгенштейн всегда говорил отчетливо и очень выразительно. Он говорил на отличном английском языке – так, как говорят образованные англичане, но с вкраплением отдельных германизмов. Витгенштейн сидел в центре комнаты на простом деревянном стуле. Он часто чувствовал, что зашел в тупик. Нередко у него вырывались такие выражения, как “Я дурак”, “У вас ужасный учитель”, “Сегодня я очень глуп”. Иногда он выражал сомнение в том, сможет ли продолжать лекцию. Он был очень нетерпелив и легко раздражался. Если кто-нибудь чувствовал несогласие с тем, что он говорил, Витгенштейн настойчиво требовал от оппонента, чтобы тот четко сформулировал свое возражение... Он постоянно бился над разрешением сложнейших философских проблем. Решение одной проблемы влекло за собой другую. Витгенштейн был бескомпромиссен: он должен был достичь полного понимания. Он был в неистовстве. Все его существо находилось в величайшем напряжении...»⁹)

⁹ Малкольм Н. Людвиг Витгенштейн: воспоминания // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.

Как философ Витгенштейн к тому времени едва ли не полностью поменял свои воззрения. По мнению многих исследователей, изменить взгляды на философию, природу языка и способы познания мира его побудили те шесть лет, которые он, порвав с академической наукой, провел в предгорьях Австрийских Альп. Там он преподавал грамоту, арифметику и основы естествознания крестьянским детям. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что эти шесть лет оказались тем самым водоразделом, который отделил «раннего» Витгенштейна – строгого логика, приверженного поискам истинного языка философии, – от Витгенштейна «позднего», уже не столько теоретика, сколько практика, точнее, прагматика, стремящегося описать не идеальную логическую структуру мироздания, а систему взаимодействия логических понятий в повседневном употреблении языка. (Впрочем, биограф и издатель работ Витгенштейна логик Г. Х. фон Вригт считал, что перемена в воззрениях наступила позже: «Около 1933 года в воззрениях Витгенштейна произошли радикальные изменения. А именно: у него возникли основные идеи, развитием и разработкой которых он занимался всю оставшуюся жизнь... “Новая” философия Витгенштейна связана с отрицанием некоторых фундаментальных принципов “Трактата”. Это относится к теории языка как образа реальности, к положению о том, что все значимые пропозиции состоят из простых, и к теории о невыразимом. Кто-то, возможно, скажет, что некоторые из этих во-

просов уже и так не находились в центре внимания философов. Однако, если у других изменения во взглядах были связаны главным образом с дальнейшим развитием уже существующих философских проблем (совсем не обязательно поставленных в ранней работе Витгенштейна), то перемена во воззрениях самого Витгенштейна свидетельствовала о полном отходе от существующих направлений мысли»¹⁰.)

Так или иначе, Витгенштейн отказался от прежних взглядов и начал отстаивать свою новую концепцию, не менее горячо и категорично, чем прежде отстаивал положения «Трактата». Он внезапно сделал открытие: оказывается, в языке помимо повествовательных предложений, о которых говорилось в «Трактате» (и которые в итоге можно свести к констатации: «Дело обстоит так-то и так-то»), существуют предложения вопросительные, восклицательные, призывы, просьбы, клятвы, модальные конструкции и тому подобные, и ко всем этим предложениям строгая логика «Трактата» не слишком применима. По замечанию В. П. Руднева, «если в “Логико-философском трактате” язык представляется как проекция фактов и предложение всегда либо истинно, либо ложно – третьего не дано, то в 1930-е годы происходит поворот в сторону прагматики, то есть слушающего и реальной речевой ситуации. Витгенштейн теперь со свойственным ему жаром отвергает свою старую концепцию язы-

¹⁰ Вригт Г. Х. фон. Людвиг Витгенштейн. Биографический очерк // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.

ка: язык не констатация фактов и не всегда высказывание истины и лжи»¹¹. Новооткрытые суждения Витгенштейн назвал языковыми играми – а также формами жизни: «Говорить на каком-либо языке значит жить»; при этом, вопреки утверждению фон Вригта, он не отказался от представления о языке как образе реальности, но видоизменил это представление: реальность, воспринимаемая посредством языка, есть совокупность языковых игр. Понятие языковой игры стало определяющим для философской концепции «позднего» Витгенштейна; анализу языковых игр посвящены «Философские исследования», да и в опубликованных в настоящем издании работах он не единожды затрагивает этот предмет. Задачу же философа Витгенштейн по-прежнему видел в том, чтобы помочь человеку разобраться в обыденном языке.

Новая концепция Витгенштейна оказала существенное влияние на аналитическую философию, благодаря ей в 1940-х годах в Великобритании сложилась школа лингвистического анализа, представитель которой Дж. Остин сформулировал знаменитую теорию речевых актов. Книга Остина, в которой излагались основы этой теории, дословно называлась «Как манипулировать вещами посредством слов» (опубликованный русский перевод носит название «Слово как действие»¹²), и это название отлично раскрывает суть теории:

¹¹ Руднев В. П. Языковая игра // Руднев В. П. Словарь культуры XX в. М., 1997.

¹² Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.

в языке немало слов и суждений, которые не просто описывают реальность, но сами являются этой реальностью – например, глаголы «объявлять», «приветствовать», «обещать» и т. п.; такие глаголы и суждения, их включающие, Остин назвал *перформативными*, то есть глаголами и предложениями действия. Эти речевые акты вполне соотносились с витгенштейновской концепцией языковых игр; позднее было даже высказано предположение, что все без исключения глаголы являются перформативными, а все суждения языка – соответственно потенциальными речевыми актами, только в одном случае перформативность очевидна, а в другом – подразумевается (так называемая пресуппозиция, когда нечто не произносится вслух, но тем не менее имеется в виду). Витгенштейн рассуждал об истинности или ложности суждений, Остин же ввел в употребление критерий успешности/неуспешности речевого акта: «обещаю и делаю» – речевой акт успешен, «обещаю и не делаю» – речевой акт неуспешен.

Впоследствии остиновскую теорию речевых актов углубил и уточнил американский философ Дж. Серль (предложивший, в частности, различие прямых и косвенных речевых актов). Несколько упрощая, можно сказать, что из витгенштейновской концепции языковых игр и из теории речевых актов выросла лингвистическая прагматика – дисциплина, изучающая условия использования языка (контекст)

в актах речевого общения. Среди других направлений аналитической философии, «наследовавших» концепции языковых игр, можно упомянуть лингвистическую терапию Дж. Уиздома («язык лечит говорящего и слушающего»), лингвистическую апологетику Дж. Хадсона (отношения человека с Богом представляют собой разновидность языковой игры), философию вымысла Дж. Вудса и С. Крипке («если Шерлок Холмс и не существовал, он мог бы существовать при других обстоятельствах»).

В целом ранняя аналитическая философия была, по выражению Рассела, философией логики, тогда как поздняя аналитическая философия стала философией прежде всего лингвистической; даже «проблема сознания» анализировалась с точки зрения обыденного языка – достаточно упомянуть работу «Понятие сознания» Г. Райла. Произошла и своего рода «реабилитация» метафизики, опять-таки при условии языкового анализа, и постепенно сделалось непонятным, «где кончается лингвистика или психология и начинается философия»¹³. И во многом современная аналитическая философия развивается именно по пути, намеченному «поздним» Витгенштейном, а не Расселом или Фреге («первым аналитическим философом», по выражению американского философа Г. Слуги¹⁴).

¹³ *Страуд Б.* Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия. Становление и развитие. М., 1988.

¹⁴ *Sluga H.* Gottlob Frege. Lnd., 1980.

Ныне аналитическая философия, ставшая широким междисциплинарным направлением, ориентирована на создание общей теории языка; как писал В. П. Руднев, «современная аналитическая философия – это огромная “фабрика мысли” с большим количеством интеллектуальных цехов... Ответить на свой основной вопрос: “Где кончается язык и начинается реальность?” – аналитическая философия, пожалуй, так и не смогла, но в процессе ответа было сделано так много интересного, что можно с уверенностью сказать, что эта языковая игра стоила свеч»¹⁵.

Кирилл Королёв

¹⁵ Руднев В. П. Аналитическая философия // Руднев В. П. Словарь культуры XX в. М., 1997.

Культура и ценность

Предисловие к изданию 1977 года

В рукописном наследии Л. Витгенштейна имеется множество заметок, не относящихся напрямую к философским исследованиям, пусть они и разбросаны среди текстов философского содержания. Некоторые из этих заметок автобиографичны, другие касаются природы философской деятельности, а иные посвящены общечеловеческим проблемам, например искусству или религии. Отделить их от собственно философских текстов возможно далеко не всегда, однако сам Витгенштейн зачастую отделял эти заметки – при помощи скобок или иными способами.

Частично эти заметки, что называется, мимолетны и проходящи, но большинство из них представляет значительный интерес, содержит изящные рассуждения и поразительные по глубине мысли. Распорядители духовного наследия Витгенштейна, сознавая ценность этих заметок, поручили Г. Х. фон Вригту подготовить их к публикации.

Это была нелегкая работа, в процессе которой сама концепция издания неоднократно менялась. К примеру, вначале я предполагал, что заметки следует разместить тематически – в таких разделах, как «Музыка», «Архитектура»,

«Шекспир», «Афоризмы житейской мудрости», «Философия» и т. п. Категоризации заметки в принципе поддавались, однако в целом материал производил впечатление искусственности. Кроме того, рассматривалась возможность дополнить заметки уже опубликованными текстами – ведь многие из чеканных афоризмов Витгенштейна содержатся в его философских работах, в «Дневниках» времен Первой мировой войны, в «Логико-философском трактате» и в других произведениях. Необходимо отметить, что именно в контексте эти афоризмы обнаруживают свою истинную глубину; и по этой же причине помещать их вне контекста было сочтено нецелесообразным.

Затем я решил подготовить «избранные» заметки, так сказать, лучшие из лучших, заключив, что иначе они рискуют затеряться в массе прочего материала. Но довольно скоро я осознал, что никто не назначал меня арбитром вкуса; вдобавок я не слишком доверял собственному суждению, чтобы отдавать предпочтение какому-либо из вариантов суждений Витгенштейна касательно одного и того же предмета (нередко все вариации представлялись мне весьма значимыми).

В конце концов я остановился на компоновке, которая мне показалась безусловно правильной. Я исключил из публикации заметки сугубо личного свойства – те, в которых Витгенштейн комментирует события своей жизни, состояние своего рассудка и отношения с другими людьми (некоторые из них здравствуют до сих пор). По правде говоря, от-

делить эти заметки от прочих было несложно, поскольку они куда менее интересны, чем те, что опубликованы. Лишь в ряде случаев «личные» заметки показались мне интересными для широкой публики, и я включил их в настоящее издание.

Заметки расположены в хронологическом порядке, по году написания. Любопытно, что почти половина заметок относится к периоду после завершения (1945) первой части «Философских исследований».

В отсутствие объяснений некоторые заметки наверняка покажутся непонятными и загадочными тому читателю, который незнаком ни с биографией Витгенштейна, ни с кругом его чтения. Во многих случаях подобные темные места удалось разъяснить в редакторских примечаниях. Тем не менее я, как правило, воздерживался от комментирования, прибегая к нему лишь там, где было действительно необходимо.

Разумеется, подобного рода книга может попасть в руки читателя, которому основные философские труды Витгенштейна неизвестны и для которого они так и останутся неизвестными. Полагаю, такое знакомство не нанесет ему ущерба и не будет бесполезным; и все же, по моему мнению, постичь и оценить значение заметок возможно лишь в контексте витгенштейновской философии; более того, эти заметки помогают нам лучше понять философию Витгенштейна.

Я начал подбирать материал для публикации в 1965–1966 годах, а затем отложил эту работу и вернулся к ней лишь в 1974 году. На заключительном этапе существенную помощь

мне оказал г-н Хейкки Нюман, который также сверил публикуемый текст с рукописями, исправил обнаруженные ошибки и восстановил лакуны. Я крайне признателен ему за приложенные усилия, скрупулезность и отменный вкус. Без его помощи я вряд ли бы сумел подготовить окончательный вариант текста. Также хочу поблагодарить за корректуру и ценные советы г-на Раша Риса.

*Георг Хенрик фон Вригт,
Хельсинки, январь 1977 года*

Предисловие к изданию 1994 года

Настоящее издание подготовлено к публикации Алоисом Пихлером. Мистер Пихлер, который трудится в Витгенштейновском архиве при Университете Бергена, заново сверил заметки с рукописями и исправил ошибки предыдущих публикаций, прежде всего места, с трудом поддававшиеся прочтению. Необходимо отметить, что и составитель первого издания за минувшие годы выявил часть этих ошибок.

В настоящее издание включены те же заметки, что и в предыдущие публикации, однако их расположение немного изменено в соответствии со стилистикой Витгенштейна, который, как известно, писал короткими абзацами и разделял абзацы одной или двумя строками. В предыдущих изданиях, кроме того, некоторые заметки публиковались не полностью, так как составитель счел их «несущественными»; подобную точку зрения многие сочли неверной, и в настоящем издании купюры восстановлены. Музыкальная нотация и рисунки воспроизводятся благодаря помощи Майкла Биггса из Университета Хартфордшира.

Заметки дополнены стихотворением, которое Л. Витгенштейн в свое время подарил гофрату Людвигу Ганзелю. Мы полагаем, что это стихотворение написано самим Витгенштейном, и воспроизводим здесь печатный вариант (рукописный, к сожалению, по-видимому утерян, а установить год

написания стихотворения не представляется возможным). Фонд Витгенштейна благодарит профессора Германа Ганзеля (Вена) за предоставление в распоряжение издателя этого уникального документа.

Мы с Алоисом Пихлером также благодарим Витгенштейновский архив при Университете Бергена за профессиональную и техническую поддержку.

*Георг Хенрик фон Вригт,
Хельсинки, ноябрь 1993 года*

От редактора оригинального издания 1998 года

История публикации. Сборник «Vermischte Bemerkungen» впервые опубликован в 1977 году; в следующем году увидело свет комментированное издание. Именно оно, с исправлениями и дополнениями, легло в основу 8-го тома полного собрания сочинений Л. Витгенштейна (1984). Настоящее издание соответствует изданию 1984 года, в нем также дополнен контекст и указаны разночтения.

Расположение. Заметки расположены в хронологическом порядке, что обусловило необходимость значительной перекomпоновки материала по сравнению с предыдущими изданиями. В ранних изданиях заметки иногда приводились не полностью; в настоящем издании это упущение исправлено.

Орфография, грамматика и пунктуация. Особенности авторской стилистики Витгенштейна, в частности приверженность строчным буквам, по возможности сохранены.

1914

Мы с лейтенантом¹⁶¹⁷ уже поговорили обо всем на све-

¹⁶ Имеется в виду лейтенант Войслав Моле, фронтовой товарищ Витгенштейна.

¹⁷ Примечания к тексту, отмеченному цифрами, см. в конце книги.

те; он отличный парень. Способен ужиться с отъявленными мерзавцами и дружелюбен без панибратства. Нашему уху гортанная речь китайца покажется тарабарщиной. А тот, кто понимает китайский, узнает в этой тарабарщине язык. То же верно для меня применительно к людям: я часто не могу узнать в человеке человеческое существо. Старался, было дело, но не преуспел.

1929

Нет религии, в которой столько бы грешили неверным использованием метафорических выражений, как в математике.

Человеческий взгляд обладает способностью наделять предметы ценностью; при этом они становятся куда дороже.

Я по-прежнему нахожу собственный путь в философии новым, и он не перестает меня поражать, потому-то я и повторяюсь столь часто. Он должен стать плотью и кровью нового поколения, и уже тогда повторения прискучат. Для меня же они необходимы. Метод заключается в отказе от поисков истины, вместо которых мы задаемся вопросом о смысле.

Хорошо, что я не позволяю себе подпадать под влияние!

Удачное сравнение освежает интеллект.

Тяжело объяснить человеку со слабым зрением, как добраться куда-либо. Ему не скажешь: «Видите колокольню в десяти милях? Идите прямо к ней».

Просто позвольте говорить природе и признайте, что есть лишь одно на свете превыше природы, и это вовсе не мнение окружающих.

Когда дерево ломается, а не гнется, – это трагедия. В трагедии нет ничего еврейского. Мендельсон, пожалуй, – самый нетрагический из композиторов. Трагически цепляться, упорно держаться за трагическую ситуацию в любви всегда представлялось мне противным идеалу. Следует ли из этого, что мой идеал жалок? Не могу и не стану судить. Если он жалок, это плохо. Полагаю, мой идеал – мирный и добрый. Но упаси Господь мой идеал от жалости и приторности!

Новое слово подобно семени, брошенному в почву дискуссии.

Каждое утро пробиваешься сквозь омертвелую кожуру к теплой мякоти жизни.

С моим философским рюкзаком я карабкаюсь еле-еле на

вершину горы Математики.

Мендельсон – не пик, а плато. В нем столько английского.

Никто не способен думать за меня, как никто не может надеть за меня шляпу.

Всякий, кто вслушается в плач ребенка, постигнет, какие сокрыты в нем психические силы, жуткие силы, отличные от всего, что привычно нам видеть в детях. Это всеохватная ярость, и боль, и жажда разрушения.

Мендельсон – как человек, который веселится, лишь когда всем весело, или добр, лишь когда все вокруг добры. В нем нет силы дерева, которое твердо стоит на месте, что бы ни творилось вокруг. И я такой же и таким пребуду.

Мой идеал – холодная уверенность. Храм – прибежище для страстей, где страсти держат в повиновении.

Я часто спрашиваю себя, нов ли мой культурный идеал, то есть современен ли он или восходит ко временам Шумана. Во всяком случае он мнится мне продолжением шумановского идеала, пусть и не прямым. Я хочу сказать, что из этого продолжения выпала вторая половина XIX столетия. И это, должен признаться, произошло само собой, вовсе не было осмысленным решением.

Задумываясь о будущем мира, мы всегда представляем себе некое место, в котором мир окажется, если все будет идти так, как идет; и нам не приходит в голову, что мир движется не по прямой, а по кривой, направление которой постоянно изменяется.

Думаю, настоящую австрийскую культуру (Грильпарцер, Ленау, Брукнер, Лабор¹⁸) понять довольно тяжело. В известном смысле она многозначнее любой другой, а истина, которой она привержена, никогда не тяготела к правдоподобию.

Добро божественно. В этом, как ни удивительно, суть моей этики.

Лишь нечто над-естественное способно выразить Сверх-естественное.

Нельзя вести людей к добру. Они могут идти лишь в конкретное место, а добро лежит вне пространства фактов.

¹⁸ Перечисляются классики австрийской культуры: поэт и драматург Ф. Грильпарцер (1791–1872), поэт Н. Ленау (1802–1850), композитор А. Брукнер (1824–1896) и органист И. Лабор (1842–1924).

Недавно я сказал Арвиду¹⁹, после того как мы вместе посмотрели в кинотеатре один очень старый фильм: современное кино в сравнении с прежним – все равно что современный автомобиль в сравнении с тем, который выпустили 25 лет назад. Впечатление, которое производит старый фильм, нелепое и даже неуклюжее, а достижения в производстве фильмов сопоставимы с теми улучшениями, которые мы наблюдаем в производстве автомобилей. Причем я говорю во все не – если правомерно употреблять это выражение – об улучшениях артистического стиля. И это же во многом относится к современной танцевальной музыке. Джазовый танец, подобно фильму, есть то, что может и должно быть лучше. Что отличает все эти улучшения от изменения стиля – то, что дух не играет в них никакой роли.

Сегодня различие между хорошей и дурной архитектурой заключается в том обстоятельстве, что дурная архитектура поддается любому искушению, а хорошая им противостоит.

Я как-то заметил, наверное, справедливо: прежняя культура постепенно становится кучей мусора, а затем превращается в горстку пепла; но дух парит над пеплом.

¹⁹ Арвид Сьогрен – друг и родственник Витгенштейна, муж его племянницы Клары Зальцер.

Используют солому, чтобы заткнуть бреши в органическом единстве искусства, но чтобы утишить голос совести, нужно много соломы.

Если кто-нибудь решит, что раскрыл тайну жизни, и скажет себе, что отныне все будет легко и просто, ему на самом деле, чтобы понять, что он ошибается, нужно лишь вспомнить, что были времена, когда его «открытия» не существовало; но и тогда можно было жить, а открытие, им совершенное, применительно к былому положению дел выглядит полностью случайным. И так же обстоит в логике. Если вдруг обнаружится «решение проблем философской логики», мы должны остеречь себя: бывали времена, когда таких решений не существовало (при этом люди жили и мыслили).

Энгельман²⁰ поведал мне, что копался дома в ящике со своими рукописями, и те показались ему столь удачными, что он счел их достойными публикации. (По его словам, то же ощущение возникло у него, когда он перечитывал письма от умерших родственников.) Но представив себе опубликованный текст, он почувствовал, что идея утратила всякое очарование. Я бы сказал, что этот случай объясняет следующее: нет ничего более восхитительного, чем наблюдать за кем-то, кто, не подозревая, что за ним наблюдают, занима-

²⁰ П. Энгельман – австрийский архитектор, друг Витгенштейна и его биограф.

ется повседневными делами. Вообразим театр; занавес поднимается, и мы видим, как некий человек расхаживает по комнате, закуривает сигарету, садится в кресло и т. д., и мы внезапно понимаем, что наблюдаем за человеком таким образом, как никогда не сможем наблюдать за собой; мы словно воочию видим разыгранную главу из биографии, и это одновременно жутко и чудесно. Куда более чудесно, нежели любая фантазия драматурга, поставленная и озвученная на сцене. Мы наблюдаем саму жизнь. Но когда мы сами находимся в повседневности, она не производит на нас ни малейшего впечатления. Точно так же когда Э. смотрит на свои рукописи и полагает их достойными (пусть даже не готов опубликовать хотя бы одну из них), он воспринимает свою жизнь как Божье произведение искусства, и в таковом качестве она безусловно заслуживает осмысления, как и все на свете. Но лишь художник способен изобразить нечто частное так, чтобы это изображение показалось нам произведением искусства; эти рукописи справедливо утратят свое значение, если мы станем анализировать их по отдельности и без предубеждения, то есть не испытывая заранее энтузиазма от их изучения. Произведение искусства побуждает нас — можно сказать и так — видеть нечто в правильной перспективе, однако вне искусства объект есть часть природы, подобная всем прочим, и то обстоятельство, что мы им восторгаемся по причине собственной восторженности, не дает никому права показывать его нам. (Я всегда вспоминаю одну из

тех безвкусных пейзажных фотографий, которые интересны человеку, их снявшему, потому что он там был и что-то чувствовал, но посторонний взирает на снимки с оправданным равнодушием, насколько оправданно, конечно, смотреть на что-либо равнодушно.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.